

В. С. НЕПОМНЯЩИЙ

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ТЕПЕРЬ

ПУШКИН В СУДЬБЕ РОССИИ

Избранные работы и выступления

МОСКВА * 2022

УДК 929 Пушкин
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Н 53

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-119-0465*

Непомнящий В. С.

- Н 53 Удерживающий теперь:** Пушкин в судьбе России. Избранные работы и выступления / В. С. Непомнящий / Предисловие О. Н. Скляров; составление Е. Ю. Агафонов. М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2022. — 652 с.

ISBN 978-5-7429-1419-8

Валентин Семенович Непомнящий (1934–2020) ворвался в пушкинистику во второй половине прошлого века – именно ворвался: филолог-античник по образованию, он как бы нечаянно коснулся стихии пушкинского слова – и погрузился в нее навсегда. Он стал изучать Пушкина «наоборот»: не от биографии к стихам и прозе, а от прозы и стихов – к биографии и назвал свой метод искусствоведческим термином – «обратной перспективой». В этой перспективе ему открылся новый, сложный и глубокий духовный мир поэта, в котором горнее занимает куда более важное место, чем казалось до сих пор.

В. С. Непомнящий оперировал понятием «феномен Пушкина». В предлагаемой читателю книге мы частично знакомим с его работами, освещающими феномен Пушкина в исторической судьбе России. Они помогут оценить не только пронизательность мысли автора, но и понять, почему исследовательский метод Валентина Семеновича называют «феноменом Непомнящего».

УДК 25
ББК 86.372

ISBN 978-5-7429-1419-8

© Непомнящий В. С., наследники, 2022
© Скляров О. Н., предисловие, 2022

*О.Н. Скляр,в,
д. фил. н., проф. кафедры славянской филологии ПСПУ*

ФЕНОМЕН НЕПОМНЯЩЕГО

Говорить сегодня о Валентине Семеновиче Непомнящем – значит говорить о личности, культурно-историческое значение и масштаб которой не только не исчерпываются научными достижениями, послужным списком, перечнем публикаций и т. п., но и в принципе не поддаются измерению в этих величинах.

В своих работах он часто пользовался понятием «феномен Пушкина», имея в виду целостное единство личности, судьбы и творчества поэта, взятое как конкретное, неповторимое, исключительное явление в русской истории*. По аналогии с этим мне представляется уместным говорить о «феномене Непомнящего» – не только в пушкинистике, но и в целом в отечественной гуманитарной культуре последней трети XX века, когда в стране происходило то, что потом стали называть «церковным возрождением», и одновременно совершался трудный, болезненный переход к постсоветской парадигме мышления.

Филолог-классик по образованию, доктор наук, многолетний председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, автор нескольких книг и множества статей, блестящий лектор, человек

* См., например, работы: «Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России» (Наст. изд. С. 503–558), «Феномен Пушкина в свете очевидностей» (Наст. изд. С. 559–606) и др.

высочайшей образованности и эрудиции, Валентин Семенович тем не менее многократно подчеркивал, что предпочитает не называть себя ученым. И в этом дотошном уточнении мне видится не только обычная скромность, но и очень тонкое, верное понимание В. Непомнящим специфики своего поприща и своего особого пути. Чтобы почувствовать эту особость, достаточно сравнить «творческое поведение»* Непомнящего с тем, например, как выстраивал свою научную деятельность учившийся с ним вместе на классическом отделении филфака МГУ М. Л. Гаспаров, в дальнейшем – выдающийся филолог, античник, блистательный стиховед, сторонник отчетливо верифицируемых, вне-аксиологических методов изучения литературы. («...не был я человеком научного склада, – пояснял в интервью Валентин Семенович. – Вот мой однокашник, академик Михаил Гаспаров, – он уже тогда и вел себя, и выглядел как настоящий ученый»**.) И дело здесь, конечно же, не в степени профессиональной компетентности, по поводу которой к Непомнящему не может быть никаких вопросов. Базовым филологическим инструментарием он владел прекрасно. И безупречно пользовался им, хотя обычно и не выносил на публику всю процедуру аналитической работы с текстами, как бы оставляя ее за кадром – и тем самым порой невольно давая оппонентам и недоброжелателям повод для обвинений в недостаточной обоснованности ключевых положений и выводов. Не связанный жесткими академическими регламентами научного письма, Непомнящий нередко рискует показаться не до конца доказательным, но обретает тем самым дивную свободу и несуетность глубокого, неторопливого мышления, по преимуществу – ценностного, аксиологического характера. Что касается дисциплины, строгости и точности исследовательского мышления, то в его случае эти свойства вполне очевидны, но не столько на уровне отдельных аналитических частных частей, сколько на уровне общей логической структуры, архитектоники, целостной парадигмы разработанной им пушкиноведческой концепции, где нет ни одного случайного или произвольного элемента.

* Термин М. М. Пришвина.

** «Между корыстью и совестью»: Интервью Леонида Виноградова с литературоведом Валентином Непомнящим (Наст. изд. С. 635).

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот сборник трудов Валентина Семеновича Непомнящего составлен на базе его книги «"Да ведают потомки православных"». Пушкин. Россия. Мы», которая в 2001 году вышла в Свято-Елизаветинском сестричестве при прямом участии приснопамятного протоиерея Димитрия Смирнова. Сам Валентин Семенович, по свидетельству близких, очень эту книгу любил и дорожил тем, что том его пушкиноведческих статей вышел в православном издательстве. Эту не очень большую по объему книгу мы посчитали необходимым расширить – слишком много замечательных текстов, говорящих о Непомнящем как об истинно русском мыслителе, остались за ее пределами. Конечно, и мы ограничены в наших желаниях размерами книги, и мы лишены возможности опубликовать все, что хотелось бы. Однако надеемся, что этот сборник, – о котором мы договаривались с автором еще при его жизни, но который выходит в свет первым после его кончины, – не только доставит радость давним поклонникам острой и яркой мысли Валентина Семеновича, но и привлечет внимание к его трудам новую аудиторию, а для кого-то станет и первой впечатляющей встречей с его наследием.

Подавляющее большинство представленных в книге текстов – это работы уже «классического», зрелого творчества Непомнящего. Однако нам показалось очень важным для понимания развития мысли Валентина Семеновича включить в сборник его раннюю работу «Двадцать строк» (1965), весьма поучительную и в наше время, когда возникают соблазны насильственно интерпретировать творчество Пушкина в поверхностно-религиозном ключе, напоминающем методологию «революционно-народнических» интерпретаций, против которых выступал в этой статье автор.

Базовым источником для нашей публикации стал двухтомник избранных трудов В.С. Непомнящего, вышедший в 2001 году издательствами «Жизнь и мысль» и «Московские учебники»: автор лично составлял это собрание и был очень доволен полученным результатом. Этим изданием мы и руководствовались, однако учитывали и вышедшее в 2015 году в Московском государственном институте культуры пятитомное собрание его трудов, хотя при сопоставлении текстов все-таки

отдавали предпочтение тем вариантам, что были опубликованы в двухтомнике. Исключение мы сделали только для статей «"Пророк". Художественный мир Пушкина и современность» и «Да ведают потомки православных». Первую мы публикуем в том варианте, который был напечатан в «Новом мире» 1987 года в преддверии пушкинского юбилея (он же представлен в пятитомнике 2015 года). Обе эти статьи при публикации в вышеназванных источниках подверглись существенному сокращению, поэтому мы решили обратиться к более полным их вариантам, памятуя, в частности, о том грандиозном впечатлении, которое произвела в свое время новомировская публикация «Пророка» на широкого (еще «советского») читателя.

В статьях, рассчитанных на этого широкого читателя, Валентин Семенович, как правило, не особенно заботился о строгости справочного аппарата, указывая источники цитат довольно избирательно. Мы сохранили щадящий читателя режим его популярных публикаций и не стали детализировать источники в сносках.

Читатель без труда обнаружит постоянную внутреннюю переключку тем и сюжетов книги, иногда создающую впечатление повторения. Сам Валентин Семенович ёмко пояснил это так: «[В книге] нередко варьируются одни и те же темы и мотивы; автор сохраняет эту особенность, не желая имитировать итог там, где на самом деле путь». Мы без раздумий воспроизвели эту характерную черту авторских сборников, несмотря на то, что в наших руках, увы, уже итог, а не путь.

В завершение книги мы публикуем одно из выступлений Валентина Семеновича на ежегодных богословских конференциях Православного Свято-Тихоновского богословского института (с 2002 года — ПСТГУ), участником которых он несколько раз был. Этот, возможно, несколько резкий по отношению к окружающей культурной действительности текст хорошо показывает общественную позицию Валентина Семеновича в последние его годы.

Наша книга оказывается первым изданием трудов Непомнящего после его кончины в сентябре 2020 года. Понимая ее отчасти «мемориальный» характер, мы решили включить большое интервью Валентина Семеновича Леониду Виноградову, опубликованное на портале «Православие.ру»: оно дает общее представление об основных вехах его жизненного и творческого пути. Обширное наследие Непомнящего, несомненно, должно оставаться в золотом фонде русской мысли XX века, и мы рады хотя бы отчасти этому способствовать.

ПРЕДПОЛАГАЕМ ЖИТЬ

Приближающееся – в нынешних обстоятельствах надо бы сказать: неотвратимо надвигающееся – двухсотлетие со дня рождения Пушкина* ставит наше национальное достоинство перед серьезным испытанием. Культурный мир вокруг нас плохо знает, что это такое – Пушкин; но он слышал, что Пушкин – центр, глава, знамя и первая гордость русской культуры; и он, этот мир, будет внимательно следить, как и чем – в условиях распада государства, развала хозяйства и унижения культуры – встретят русские годовщину, величие которой в полной мере знает только Россия.

Дело, конечно, не в соображениях внешнего престижа, не в праздничной пальбе и юбилейных кликах. Какими мы придем к двухсотлетней годовщине человека, который всегда был для нас воплощением правды, красоты, величия и надежды?

«Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет».

Слова Гоголя цитировались часто, но неосмысленно. Они твердились как отвлеченный комплимент – то ли Пушкину, то ли «русскому человеку», – и воспринимались как некое приятное, хотя и туманное, пророчество прогресс-

* Статья написана в 1990 г. (Примеч. ред.).

систской пифии (что мало идет Гоголю). Так же отвлеченно принимался и срок – просто-напросто как нечто очень большое и круглое: приятное и туманное «когда-нибудь», не налагающее обязательств.

Оказалось, что срок вовсе не так уж велик, и вот – уже почти исчерпан; и это совпало с эпохой нашего кризиса и смятения: «бывают странные сближения», – сказал бы Пушкин. Иные могут полагать, да и полагают, что отмеченное «сближение» есть забавная ирония истории, щелкнувшей «русского человека» по носу: вот тебе твои «пророки», твой Пушкин, твой Гоголь, вот ты сам, в своем «развитии»... «чрез двести лет». Таков детерминистский, эмпирический взгляд, видящий в истории лишь цепочку причин и следствий. Однако наши *профики* видели в истории России процесс телеологический, целенаправленный, где всё, в том числе и «странные сближения», происходит не только «почему-то», а *для чего-то*. И если Гоголь сегодня указывает нам на глубокую метафизическую связь судьбы России с Пушкиным, если он видит в Пушкине *нынешний* ориентир «русского человека», то к его словам надо прислушаться всерьез.

* * *

Появились предвидения: в близком будущем статус Пушкина изменится. «Пушкинистика в условиях советского общества... занималась *высшими ценностями*... Изменение культурной ситуации с неизбежностью должно привести к резкому спаду массового интереса к Пушкину и к кризису пушкинистики как таковой» (О. Проскурин).

Что касается самого прогноза, то, как говорится, посмотрим. А постановка вопроса более чем справедлива: «спад» интереса к Пушкину и «кризис пушкинистики как таковой» должны говорить о духовном упадке в обществе.

Вот только – что понимать под «высшими ценностями»? Если в этой области у нас не существует ничего выше Пушкина – а именно такова была долгое время «культурная ситуация» в весьма широкой интеллигентской среде, – то дело наше плохо.

В нее играли дети во дворах всего Союза. Таню узнавали везде, ночью нас бесплатно подвозили машины и пустые троллейбусы. Многие зрители помнят ее по очень смешному эпизоду фильма А. Митты «Гори, гори, моя звезда». Это актриса огромного трагикомического дара. Но карьеры не сделала, посвятив себя сыну. Она – мой главный собеседник, советчик и критик, у нее точнейший вкус. Многие изречения и мысли я у нее просто ворую.

– Валентин Семенович, после крещения были проблемы с воцерковлением, с поиском духовника?

– Первое время мы «паслись» у отца Димитрия Дудко. А когда на него наехали на машине и переломали ноги, он отправил нас к отцу Александру Меню. Это был человек необыкновенный, яркий, чистый, увлекательнейший собеседник. Мы ездили к нему исповедоваться и причащаться, но сердцу все же чего-то не хватало: было ощущение «своего брата»-интеллигента... Когда слезка за ним усилилась, он сам велел нам к нему не ездить: думаю, за Павла беспокоился. Мы вспоминаем его тепло, молимся за упокой, поминаем в церкви. Прошло некоторое время, и Бог свел нас с одним перомонахом, человеком замечательным, глубоким, прозорливым, настоящим молитвенником. Считаем его духовным отцом, хотя видимся редко: он теперь архимандрит, наместник в далеком монастыре.

– В процессе воцерковления изменился круг друзей?

– Да, круг сократился, но не только по религиозным причинам, сама жизнь так шла. С либералами взаимное отчуждение происходило давно и неуклонно. К тому же у меня нет вот этого удивительного «таланта дружбы», каким обладал Александр Сергеевич, не хватает меня на постоянное общение: работа институтская и творческая, домашние заботы, может быть, и возраст... Я человек медленный, и времени не остается. «В свете» редко бываю. При всем том очень люблю моих старых друзей. Литераторов в близком окружении нет, хотя знаком со многими.

– Вы входите в жюри по вручению премии Александра Солженицына?

– Да, вот уже несколько лет.

– Как член жюри вы не можете стать лауреатом этой премии?

– Нет. К большому сожалению. Кстати, как раз на первом заседании жюри в 1998 году мы долго думали, обсуждали возможные кандидатуры – и вдруг Александр Исавич хлопнул рукою по столу: «Эх, В. С., рано мы вас пригласили в жюри: не мучились бы сегодня!» Так что могу считать себя «лауреатом нулевого цикла».

– Как выбираете лауреата?

– Знаете, по Уставу премии процесс присуждения является закрытым. Единственное, что могу сказать: все делают свои предложения, обосновывают их; потом все это продумывается и обсуждается – и в конце концов вокруг какой-то кандидатуры собирается большинство голосов. Сложности, конечно, бывают, но я не вправе обнародовать детали.

– Валентин Семенович, Распутин и Носов могли бы украсить любую литературу, но они были известны еще в советское время. Среди более молодых писателей нет достойных кандидатур?

– К сожалению, характер и уровень современной литературы очень осложняет задачу жюри. Поэтому Устав, по инициативе основателя премии, был недавно расширен: теперь рассматриваются не только литературные произведения, но и значительные издательские и музейные проекты, достижения философской и общественной мысли – так, в числе лауреатов истекшего года был, как вы знаете, философ, историк, политолог, культуролог Александр Панарин; церемонию присуждения открывало мое слово о его книге «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке», напечатанное потом в «Литературной газете».

– Когда говорят о высоких достижениях русской литературы советского периода, чаще всего имеют в виду деревенщиков. Можете ли вы расширить этот список?

– Деревенщики – конечно, огромное явление русской литературы XX века, его историческая роль еще будет осмысляться – на фоне трагической истории в этом веке русского крестьянства, деревни – этого фундамента всего великого, что было в нашей культуре... Думать на эту тему сейчас страшновато – ибо куда пойдет дальше эта история, сегодня по-своему не менее трагическая, чем в эпоху «великого перелома» и истребления большевиками крестьянства «как класса»? Никогда не забуду недавней фразы моей соседки по деревне, где я много лет живу: «Мы – последние крестьяне». Последние крестьяне – где? На Руси! Это и повторить-то жутко. Вот в таком контексте и нужно сейчас оценивать явление деревенской литературы... Но – если вернуться к вопросу – все же не одна она была в советское время. При всех кошмарах и тяготах этих семидесяти лет, Россия сумела продолжить великие традиции своей культуры. Не говоря уж о таких вершинах, как «Тихий Дон» или «Василий Теркин», – сколько глубокого и неповторимого создано Платоновым, Булгаковым, Ахматовой, Цветаевой, Грином, Бажовым, Шергинным, Зощенко, Евгением Шварцем, Маяковским, Есениным, Клюевым... да можно перечислять долго... А Гайдар с его «Голубой чашкой» (и не только)? Да, жутковато, что такое идиллическое произведение написано в 1937 году (помните заключительную фразу: «А жизнь, товарищи, была совсем хорошая?»). Но настоящая поэзия – странная вещь, она меряется своими мерками, и о каком бы времени ни говорила, когда бы ни была создана, ко времени она не привязана. Конечно, названные мною писатели родом из традиции XIX века; но есть и такие, чьи корни уже в XX веке: это и Розов, и Володин, и Слуцкий, Искандер, Рубцов, Чухонцев, Битов. Шукшин, Казаков, Вампилов – настоящая русская классика XX века – как и «Привычное дело» Белова, В. Распутин или Ф. Абрамов. Да нет, перечислять можно бесконечно. А какая удивительная детская

литература – умная, веселая, человеческая! А феномен советской песни – поистине огромное явление культуры! Я не отрицаю, что почти к каждому из тех имен, что я сейчас вспомнил и назвал, может быть разное отношение, но невозможно отрицать, что все это – большая литература, которая с удивительным достоинством в тяжелейших условиях «тянула», продолжала великую традицию русской классики, оставаясь – я повторял это и буду повторять – самой, быть может, человеческой из национальных литератур минувшего столетия. Да и сейчас посреди унылого пейзажа современной литературы нет-нет да и является нечто обнадеживающее. Вот, скажем, повесть Алексея Варламова «Рождение» сильно взяла меня за сердце, я даже всю ее прочитал Татьяне вслух. Выдающимся явлением современной прозы считаю «роман-идиллию» Александра Чудакова (одного из крупнейших наших филологов) «Ложится мгла на старые ступени». Замечательное произведение, сочетающее в себе и мемуар, и «семейную хронику», и роман, и «физиологический очерк», и автобиографию, а всё вместе – картина того, как русская традиция (в широком национально-культурном и общественном смысле) существовала и выжила в условиях большевистского режима.

– Валентин Семенович, не только современная литература переживает кризис. В кино, в театре, в живописи, в музыке дела обстоят не лучше.

– Дела обстоят так не только у нас, а во всей мировой культуре. Культуру – а она всегда основывается на идеалах – теснит и вытесняет цивилизация, всегда основывающаяся на интересах. Всевластие рынка таково, что порой приходит мысль: а не исчерпало ли искусство свои возможности? способно ли к рождению шедевров? не кончилось ли? Насколько я знаю, что-то подобное утверждает композитор Владимир Мартынов; вспомним, кстати, и «Игру в бисер» Германа Гессе... Если так – не по себе становится. Если так, значит, человек по существу отказался от дарованного ему Богом дара творчества. Уточняю: не от творчества вообще, а от творческой работы над самим собой (в этом

и заключается сущность культуры), — отказался ради сытости, комфорта и прочих удобств в дальнейшем потреблении данного ему Богом мира. Но это — гибель, конец человечества. Все мы знаем, что конец истории рано или поздно наступит, и не от этого не по себе, а... от того, что конец этот может быть для человечества позорным. Позорным по причине потери человечеством своего достоинства. Хочется надеяться, что до этого все-таки не дойдет, что хоть малое стадо да сохранится — в том числе и в области мирской культуры. Тут главная надежда на Россию. Думаю, наше душевное устройство, наш духовный генотип, наши, если хотите, культурные «атавизмы» окажутся достаточно стойкими, чтобы не поддаваться духовной американизации, этого соблазна совместного целеустремленного бега к пропасти. Вспомним петровскую эпоху: все сбрили бороды, надели камзолы, закурили табак, заговорили не по-русски, а по-иностранному. Казалось, с Русью кончено, возникает новая нация, динамичная, прагматичная, «цивилизованная»: уже не Русь с ее высокими — может быть, слишком высокими, но именно потому животворными идеалами. Казалось... но как раз в этот момент является Пушкин, в деятельности которого Россия преодолела все разрушительное, что было в «революции Петра» (кстати, это выражение Пушкина), и поставила себе на службу все, что было в ней созидательного. Наша эпоха, я не раз это говорил, пародийно, трагифарсово похожа на петровскую. И хочется верить, что на этот вызов Россия сможет ответить, как двести лет назад. Основная коллизия современного мира — вовсе не в противостоянии государств, этносов, социальных групп, религий, а во всемирном, тотальном противостоянии корысти и совести; такой коллизии в человеческой истории еще не было. Сохранить наш духовный строй, наше национальное, человеческое достоинство, наши идеалы — то есть возродить и продолжить русскую традицию, русскую культуру — значит выстоять и победить.

28 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Н. СКАЯРОВ. Феномен Непомнящего	3
От редакции	15
Предполагаем жить (1990)	17
Центральное явление нашей культуры (1995)	31
Пушкин и судьба России (1996)	38
Двадцать строк (1965)	50
Слово о благих намерениях (1994)	81
Христианство Пушкина: проблема и легенды (1996)	92
Введение в художественный мир Пушкина (1994)	122
«Пророк» (1986)	160
Под небом голубым (1989, 1999)	198
«Несколько новых русских сказок» (1991, 1999)	320
Книга, обращенная к нам (1999)	360
Да ведают потомки православных (1990)	409
Поэт и толпа (1993)	422
С веселым призраком свободы (1993)	456
Как труп в пустыне (1990)	486
Удерживающий теперь (1992, 1996)	501
Феномен Пушкина в свете очевидностей (1998)	557
Слово о Пушкине (1999)	605
Служение Церкви в современном мире и судьба светской культуры (1998)	616
Между корыстью и совестью. Интервью (2003)	629

Валентин Семенович Непомнящий

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ТЕПЕРЬ

Пушкин в судьбе России.

Избранные работы и выступления

В оформлении обложки использована работа

Д. В. Титова «Пушкин в Святогорском монастыре» (акварель, 1969)

Составление Е. Ю. Агафонов

Редактор И. В. Мамаладзе

Корректор О. А. Савичева

Верстка Е. Ю. Агафонов

Оформление С. А. Хидоятов

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

113184, Москва, Новокузнецкая ул., 23 б

izdat@pstgu.ru

Подписано в печать 01.04.2022

Формат 84x108/32. Объем 20,5 печ. л.

Печать офсетная. Тираж 1300 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК» «Идел-Пресс»

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2

E-mail: idelpress@mail.ru